

им за их чувство — доброе расположение властительниц их дум и грез; в «Женитьбе Фигаро» Керубино получает ленты с чепца графини, в «Маленьком герое» подростку достается косынка m-me M*. Причем и лента, и косынка дважды фигурируют в обоих случаях: в «Женитьбе Фигаро» Керубино в первый раз вырывает ленту у Сюзанны, а потом возвращает ее по требованию графини; в «Маленьком герое» m-me M* сама повязывает шею маленького Мечтателя своей косынкой, а затем он возвращает ее добровольно. В конце же «Женитьбы Фигаро» графиня бросает ленту, которую Керубино проворно поднимает, а в рассказе Достоевского m-me M* бросает косынку на глаза спящему мальчику («Я слабо вскрикнул, открыл глаза, но тотчас же на них упал вчерашний газовый платочек ее...» (2, 295)). Оба прекрасных пажа дарят букет полевых цветов своим господам и получают в благодарность поцелуи: Керубино в костюме пастушки; маленький герой, притворившись спящим. Таким образом, оба героя как бы маскируются.

Несмотря на некоторые созвучия в сюжете «Маленького героя» с комедией Бомарше, рассказ Достоевского, разумеется, совершенно самостоятелен; образы героев наполнены в нем иным содержанием, иначе расставлены акценты; второстепенное лицо из «Женитьбы Фигаро» получило у Достоевского ведущую роль; легкомысленный Керубино превратился в подростка, предъявляющего жизни серьезные вопросы. Но есть в обоих произведениях и нечто, что их сближает, — тема борьбы против угнетенного положения женщины. Известно выражение Фурье, что степень свободы, какую пользуется женщина, служит мериллом свободы общества. Система Фурье была идеологической основой кружка Петрашевского и, без сомнения, Достоевский, в духе учения Фурье воспринимал идейно-социальное значение комедии «Женитьба Фигаро», на которое указывал Герцен.⁶

Т. И. ОРНАТСКАЯ, Г. В. СТЕПАНОВА

РОМАНЫ ДОСТОЕВСКОГО И ДРАМАТИЧЕСКАЯ ЦЕНзуРА (60-е годы XIX в.—начало XX в.)

1

Из многочисленных инсценировок романов Достоевского подавляющее большинство было запрещено царской цензурой.¹ Данная работа является обзором выявленных нами цензурных

⁶ А. И. Герцен. Собрание сочинений в 30 томах, т. 2. М., Изд-во АН СССР, 1954, с. 231—232.

¹ Рукописи большинства из них хранятся в Ленинградской государственной театральной библиотеке им. А. В. Луначарского. Описание их,

материалов из фонда Главного управления по делам печати, хранящегося в Центральном государственном историческом архиве СССР (Ленинград). Материалы эти относятся к романам «Преступление и наказание», «Идиот» и «Братья Карамазовы». Цензурные органы с большим упорством и последовательностью препятствовали проникновению на сцену театра произведений Достоевского, усматривая в них «сплошной протест против существующего общества».

Уже на следующий год после появления в печати романа «Преступление и наказание» были предприняты попытки к постановке в театре инсценировки этого произведения. В письме от 22 февраля 1867 г. московский книгопродавец, беллетрист и драматург А. С. Ушаков обратился к Достоевскому с просьбой «разрешить переделать или скорее приноровить <...> для сцены» «Преступление и наказание».² Вскоре инсценировка была готова и доставлена писателю с целью получения одобрения, а также возможных замечаний. Вероятно, в апреле Достоевский вернул рукопись. Отзыв писателя о ней неизвестен. Подготовленная Ушаковым драма поступила в цензуру.

Сохранились протоколы двух заседаний Совета Главного управления по делам печати, на которых рассматривалась пьеса Ушакова. В протоколе от 30 июня 1867 г. говорится, что Совет Главного управления по делам печати слушал:

«а) представляемый при сем рапорт цензора драматических сочинений статского советника Кейзера фон Нилькгейма о рассмотренной им пьесе:

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

драма в 5 действиях с эпилогом, переделанная из романа Ф. М. Достоевского А. С. Ушаковым.

В основании драмы лежит убийство неокончившим курса студентом Раскольниковым двух старух, из коих одна ростовщица. Убийство это прямое последствие того коренного убеждения Раскольникова, что все люди разделяются на обыкновенных и необыкновенных. «Обыкновенные люди», по его мнению, «должны жить в послушании и не имеют права преступить закона; необыкновенные же,— во имя лучших порядков, ими создаваемых, имеют право перешагнуть чрез иные препятствия, если исполнение их идей того требует».

сделанное А. Н. Гладцкой, Н. А. Домаревой и М. О. Тишкевич, см.: «Достоевский. Однодневная газета Русского библиологического общества», 1921, 30 октября (12 ноября), с. 28—29. О судьбе переделок для театра произведений Достоевского кратко писал А. Поляков (см. там же, с. 22—24), а также Н. В. Дризен (см. об этом ниже и примеч. 3 и 5).

² Письма А. С. Ушакова к Достоевскому см. в кн.: Достоевский и его время. Л., «Наука», 1971, с. 267—272.

Эта теория позволительности преступления во имя стремления к благу человечества так засела в голове Раскольниковова, что и в виду наказания — ссылки в Сибирь — он не раскаивается, он говорит: «совесть моя покойна», т. е. принцип, по которому он действовал и совершил преступление, — правилен; но он упрекает себя лишь за то, что взялся за дело выше его сил, т. е. что, принадлежа к категории людей «обыкновенных», он разрешил себе то, что, с точки зрения его теории, в праве разрешать себе лишь люди «необыкновенные» (убийство); «взял на себя ношу не по силам и, стало быть, не имел права разрешать себе».

В основании пьесы лежит нигилистическая идея о невменяемости, в известных случаях, преступления. Постигающее Раскольниковова наказание, кара закона, нисколько не умаляет, однако, значение проводимой им мысли; она как будто торжествует, при совершенном отсутствии, с его стороны, раскаяния; в Раскольникове не происходит внутреннего переворота, не видно омерзения к себе и к своему делу; он в течение всей драмы подвергается исключительно мучениям страха, а не упрекам совести, и под конец провозглашает, что совесть его покойна, сознаваясь лишь, что у него не доставало силы для приложения своей теории к делу, почему и не был вправе разрешить себе совершение преступления.

Ввиду такого неудовлетворительного исхода пьесы, отсутствия в ней торжества жизненной правды и нравственных начал, цензор не находит удобным дозволить оную к представлению на сцене.

б) отзыв члена Совета Толстого, который рассматривал как самую вышеозначенную пьесу, так и приведенный рапорт о ней цензора.

Гофмейстер Толстой приходит к тому же заключению, к которому пришел и цензор, т. е. что драма эта, в настоящем ее виде, неудобна для постановки на сцене. Идея Раскольниковова, в силу которой необыкновенные люди имеют право, в известных обстоятельствах, на преступление, довольно слабо опровергается другими действующими лицами. Но выражая мнение о неудобстве дозволения пьесы «Преступление и наказание» в настоящем ее виде, член Совета находит желательным, чтобы запрещение это не было принято как абсолютное решение — не допускать на сцене драматических пьес, в основе которых лежит преступление и как неминуемое последствие оно — наказание, т. е. что если бы тот же роман Достоевского был представлен в другой переделке, в которой проводилось бы такое направление, то чтобы подобная пьеса была дозволена к представлению на сцене.

По выслушании вышеизложенного Совет *полагает*: пьесу под заглавием «Преступление и наказание» — драму в 5 действиях, с эпилогом, переделанную из романа Ф. М. Достоевского

А. С. Ушаковым, в настоящем ее виде не дозволить к представлению на сцене».³

В замечаниях цензора и членов Совета содержится не только оценка инсценировки, но явственно проступает их отношение к самому роману, понимаемому ими чрезвычайно узко и с охранительных, реакционных позиций. Их аргументация будет повторяться драматической цензурой и спустя тридцать лет.

Но это было лишь начало истории первой инсценировки «Преступления и наказания». Сохранилось «Дело о драме г-на Ушакова „Преступление и наказание“», охватывающее годы 1867—1882. Оно открывается прошением актера Александринского театра А. А. Нильского от 27 сентября 1867 г. в Главное управление по делам печати: «Представляя пьесу „Преступление и наказание“, переделанную из романа Ф. Достоевского, в исправленном и измененном виде, имею честь покорнейше дозволить ее к представлению».⁴ Это ходатайство обсуждалось 24 октября 1867 г. на новом заседании Совета Управления по делам печати. Протокол гласит, что был рассмотрен:

«а) представляемый при сем рапорт цензора драматических сочинений статского советника Кейзера фон Нилькгейма о представленной в цензуру в исправленном виде пьесе под заглавием „Преступление и наказание“ — драма в 5 действиях, переделанная из романа Ф. Достоевского А. Ушаковым.

Цензор находит, что в настоящем исправленном виде пьеса эта может быть дозволена к представлению.

Справка: из журнала заседания Совета Главного управления, от 30 июня сего года № 32 <...>

б) представляемый при сем отзыв члена Совета Толстого, который рассматривал представленную в новом виде драму „Преступление и наказание“. Гофмейстер Толстой находит, что пьеса в новой переделке может быть дозволена к представлению с небольшими исключениями, так как зрители остаются под тем впечатлением, что душевные мучения, испытываемые человеком, совершившим преступление, сильнее страха ожидающей его кары по законам. Таким образом, и самое заглавие драмы получает более широкий смысл: „Преступление и наказание“, наказание нравственное, душевное.

Словами Раскольников не выражает своего раскаяния, но самый факт добровольного его сознания и душевные его терзания в течение драмы красноречивее всяких слов. Следовательно, можно сказать, что в настоящем ее виде драма имеет нравственную цель. Кроме того, поступки и речи Раскольникова в течение

³ ЦГИА СССР, ф. 776, оп. 2, № 4, л. 155—157. Небольшие выдержки из этого дела были использованы в книге: Дризен Н. В. Драматическая цензура двух эпох. 1825—1881. Пб., «Прометей», 1917, с. 196 (см. также ниже примеч. 5).

⁴ ЦГИА СССР, ф. 776, оп. 25, № 19, л. 1.

драмы ясно изобличают умственное расстройство, и притом сцену, в которой упоминается о теории, на основании которой все люди разделяются на обыкновенных и необыкновенных, автор ведет с большой осторожностью.

в) представляемый при сем отзыв члена Совета Лазаревского, который также рассматривал представленную в исправленном виде пьесу „Преступление и наказание“. Член Совета находит, что хотя драма изменена во многом, так что она ныне более удовлетворяет требованиям цензуры, но теория, что необыкновенные люди выше общих требований закона отрицается и в новом виде этой пьесы весьма слабо, так что вслед за определением этой теории одним только словом «глупая» — драма предлагает всю эту теорию целиком и, таким образом, стоит только актеру ступешать эпитет «глупая», и зрителю трудно будет заключить о значении сказанной теории. Поэтому член Совета находит, что тот мотив, за который драма „Преступление и наказание“ подверглась запрещению в первоначальном ее виде, не довольно устранен и потому эта пьеса в настоящем виде не может быть дозволена к представлению на сцене.

Член же Совета Варадинов находит, что пьеса „Преступление и наказание“ может быть дозволена к представлению на сцене в настоящем ее виде с тем, однако, чтобы исключено было из пьесы, что герой оной убийца Раскольников — студент, так как высказываемые им теории могут набросить тень на нашу учащуюся молодежь в глазах общества.

Соображения: по выслушании вышеизложенного Совет обратил внимание на то обстоятельство, что пьеса „Преступление и наказание“ и по заглавию своему, и по названиям действующих лиц, и по целым заимствованным цитатам напоминает вполне известный роман, воспроизведение коего на сцене едва ли может быть признано удобным, а потому попытка автора, в виду готового уже впечатления публики смягчить коренную мысль романа, не может достигать цели тем более, что опровержение теории убийства сделано в пьесе весьма слабо; самое же раскаяние и страдание героя драмы слишком искусственны, а личность Раскольникова представлена симпатичною, названа честною и обставлена подвигами самопожертвования.

Заключение: по этим соображениям Совет большинством голосов полагает, что драму „Преступление и наказание“, переделанную г-ном Ушаковым, не дозволять к представлению и в настоящем ее виде.

Члены же Совета Толстой и Варадинов остались при особом выраженном ими мнении». ⁵

⁵ Там же, оп. 2, № 4, л. 303—305. Н. В. Дризен писал: «В истории этой пьесы не столько любопытны мотивы запрещения, сколько старания сделать ее во что бы то ни стало цензурной» (Дризен Н. В. Драматический

Повторный отказ Главного управления по делам печати не остановил Ушакова в его попытках провести свою переделку романа через цензуру. 25 января 1868 г. он обратился с прошением к министру внутренних дел П. А. Валуеву. В нем он писал, в частности: «„Преступление и наказание“ переделано для сцены из известного романа Ф. М. Достоевского с согласия автора, но, имея в виду сцену, я избегал идеи романа и взял в основу развития из него драмы только факт, разработанный им; я выражал мою готовность и имею честь выразить ее и пред Вашим высокопревосходительством подчиниться всем требованиям Театральной цензуры».⁶ 6 марта 1868 г. Главное управление по делам печати направило Ушакову следующее уведомление: «По приказанию г-на министра внутренних дел Канцелярия Главного управления по делам печати имеет честь уведомить Вас, милостивый государь, что ходатайство Ваше, изложенное в просьбе на имя Его Высокопревосходительства от 25 января сего года о пересмотре вновь пьес „Преступление и наказание“ и „Старообрядка“, признанных Главным управлением неудобными к представлению, удовлетворено быть не может».⁷

В следующем году Ушаков возобновляет свои хлопоты. 19 августа 1869 г. он направляет еще одно ходатайство о своей пьесе — теперь уже к А. Е. Тимашеву, новому министру внутренних дел. О решении министра Ушаков был извещен 2 сентября 1869 г.: «Канцелярия Главного управления по делам печати имеет честь Вас, милостивый государь, уведомить, что г-н министр внутренних дел не изволил признать возможным удовлетворение изложенного в письме Вашем от 19 августа, на имя Его Высокопревосходительства, ходатайства относительно пьесы Вашего сочинения „Преступление и наказание“».⁸

Спустя год, Ушаков, в надежде, что «время — по его словам — изменяет взгляды», посылает 30 сентября 1870 г. новую просьбу все о той же пьесе в Главное управление по делам печати. 6 октября последовал ответ: «Главное управление по делам печати сим объявляет, что пьесы, запрещенные два года тому назад, не могут быть разрешены к представлению и в настоящее время».⁹ Позднее, в начале 80-х годов, Ушаков дважды обращался в Главное управление по делам печати с повторением просьбы о разрешении своей инсценировки: 28 сентября 1880 г. и 30 марта

ческая цензура двух эпох, с. 196). Действительно, попытки сделать пьесу цензурной будут предприниматься Ушаковым до 1882 г. Но нельзя согласиться с Дризенем, что «конечное решение Совета было самое благоприятное для Достоевского». В мотивах запрещения выражено отрицательное, становящееся в дальнейшем более резким, отношение к лучшим произведениям великого романиста.

⁶ ЦГИА СССР, ф. 776, оп. 25, № 19, л. 5.

⁷ Там же, л. 9.

⁸ Там же, л. 10 и 12.

⁹ Там же, л. 13 и 14.

1882 г.¹⁰ В последней, в обоснование своего ходатайства, он писал: «...так как теперь цензура сделалась много уступчивее требованиям времени и Ф. М. Достоевский после смерти своей в глазах как правительства, так и русского общества стал писателем, имеющим первостепенное народное значение, то и на тенденции его вышеназванного романа цензура, вероятно, изменила свой взгляд». Никаких резолюций и ответов на эти два ходатайства в архивном деле не содержится. Тем не менее очевидно, что переделка Ушакова так и не была разрешена, так как впервые инсценировка романа «Преступление и наказание» — а именно Я. А. Дельера (Я. А. Плющевского-Плющика) была разрешена лишь в 1899 г. Так безуспешно в течение целых пятнадцати лет добивался Ушаков цензурного разрешения своей переделки, во всяком случае в первоначальном виде одобренной Достоевским.

Спустя тридцать два года после первого обращения Ушакова драматическая цензура рассмотрела инсценировку П. К. Дьяконова. Рапорт от 15 декабря 1899 г. о новой переделке романа Достоевского подписал за цензора драматических сочинений Исаевич.¹¹ Он не дал себе труда написать собственную характеристику пьесы, а просто перенес в свой отзыв несколько абзацев из приведенного нами выше рапорта Е. Кейзера фон Нилькгейма о пьесе Ушакова. За три десятилетия оценки драматической цензуры и мотивы запрещений не претерпели изменений. Исаевич особенно подчеркнул, что «составитель переделки не постеснялся представить Раскольникова не только равнодушным к религии, но и абсолютно неверующим, что особенно рельефно проявляется в сцене его с Соней, с которой обменивается крестами и объясняет мотивы совершенного им преступления, и с сестрою Дуней». Цензурный же устав 6 апреля 1865 г. предписывал: «...во всех произведениях печати цензура не допускает нарушения должного уважения к учению и обрядам христианских исповеданий».¹² Исаевич отметил, что к тому же пьеса эта несовершенна в литературном отношении. По его мнению, по литературным достоинствам гораздо выше инсценировка Я. Дельера, разрешенная к постановке в Театре Литературно-артистического кружка (Малый театр) в Петербурге. Далее Исаевич, характеризуя переделку Дельера, обнажает мотивы, по которым был неприемлем сам роман Достоевского. Он писал: «...пьеса в переделке Дельера может смотреться простолюдином и вообще менее интеллигентным человеком без всякого вреда и соблазна потому, что Раскольников сильно смягчен Дельером для сцены, является

¹⁰ Там же, л. 15 и 19.

¹¹ Там же, оп. 26, № 18, л. 89—90.

¹² Цит. по кн.: Материалы к истории русского театра в государственных архивах СССР. М., 1966, с. 126.

раскаивающимся преступником-грешником, а не таким непримиримым, как в пьесе П. К. Д. Эпилог к пьесе придуман Дельером весьма тактично и мирит зрителя с Раскольниковым.¹³ Ничего подобного нет в пьесе П. К. Д., и она производит иное впечатление, впечатление мрачное и тяжелое. В виду изложенного я бы полагал необходимым пьесу П. К. Д. „Преступление и наказание“ (присланную при прошении Дьяконовым) запретить для сцены». На рапорте резолюция начальника Управления по делам печати: «Согласен с мнением драматического цензора, нахожу необходимым пьесу „Преступление и наказание“ П. К. Д. не допускать для представления на сцене. М. Соловьев. 20 дек. 99». Пьеса П. Дьяконова была разрешена к постановке лишь в 1905 г.

Таким образом, более трех десятилетий попытки добиться разрешения постановки инсценировок «Преступления и наказания», хоть в какой-то мере близких к роману Достоевского, были тщетными. И лишь искажение содержания и идей произведения великого писателя, на которое пошел Я. Дельер, устроило вершителей театральной политики.

2

Сходная с «Преступлением и наказанием» судьба постигла и инсценировки следующего романа Достоевского — «Идиот».

В 1887 г. в Главное управление по делам печати поступила драма в 5-ти действиях под заглавием «Настасья Филипповна», переделка романа для сцены, осуществленная Познером. В рапорте от 25 августа цензор И. Альбединский писал: «Вся пьеса написана весьма сценично, так как речи действующих лиц взяты целиком из романа покойного Достоевского, но как и роман, так и настоящая пьеса производят самое тяжелое, безотрадное впечатление. Героиня, Настасья Филипповна, соблазненная своим богатым опекуном и живущая у него на содержании, должна приковывать к себе внимание зрителей. Постоянная борьба в ней самолюбия, оскорбленного чувства женственности с окружающей

¹³ В русской же печати проявилась позиция, прямо противоположная мнению драматической цензуры о переделке Дельера. В статье «Преступление Дельера и наказание Ф. М. Достоевского» А. В. Амфитеатров (под псевдонимом — Old Gentleman) писал: «Того, что сделал г-н Дельер с „Преступлением и наказанием“, нельзя делать: это и не литературно, и не артистично, но карикатурно и цинично». «В переделке г-на Дельера, — продолжает он, — нет ни Катерины Ивановны с детьми, ни Лужина, ни обличителя-мещанина с потрясающим „убивец“, ни галлюцинаций Раскольникова, ни — что понятно, по крайней мере по цензурным условиям, — сцены чтения Евангелия с Соней <...> фигура Раскольникова выпвела и оглуцела». «Об эпилоге на каторге я ничего не говорю... — возмущался критик, — нельзя хоть сколько-нибудь пристойно играть той неистовой, пошлой бессмыслицы с крикливыми фразами, какую г-н Дельер нашел нужным увенчать позорное здание своей обидной переделки» («Россия», 1899, 16 (28) октября, № 171).

обстановкой заставляют ее поступать как сумасшедшую. Все прочие действующие лица выставлены в самом неприглядном виде. Князь Мышкин (Идиот) один поступает на основании хороших нравственных инстинктов, но в его поступках ничего нравственного найти нельзя. Вообще по тяжелому впечатлению, выносимому при одном чтении пьесы и по нравственному безобразию всех выставленных автором лиц, по моему мнению, эта драма на сцену допускаема быть не должна». На рапорте резолюция: «Запретить. Е. Феоктистов. 27 августа 1887».¹⁴

В следующем году через цензуру проходила рукопись: «„Идиот“, драма в 3-х действиях Якова Янкевича. Переложенная из романа Ф. М. Достоевского». Тот же И. Альбединский в рапорте от 19 апреля 1888 г. прежде всего напомнил о запрещении ранее драмы Познера «Настасья Филипповна», а затем сделал следующее заключение: «Настоящая пьеса к тому же еще и безграмотно скомпонована и написана. Ввиду прежнего запрещения и безграмотности произведения г-на Янкевича полагал бы таковое к постановке не допускать», что и вызвало соответствующую резолюцию: «Запретить. Е. Феоктистов. 28 апреля 1888».¹⁵

В 1889 г. драматической цензурой рассматривалась новая инсценировка по роману «Идиот» — подготовленная А. Леманом драма в 4-х действиях. И. Альбединский писал в своем отзыве 7 января 1889 г., что «авторство г-на Лемана ограничилось лишь выбором мест из романа и разбивкой текста на разговоры между действующими лицами». В последующие годы постоянно будет повторяться как основание к запрещению инсценировок по роману «Идиот» данная этим цензором характеристика: «Крайняя реальность творений Достоевского делает их почти всецело неудобными для сцены. Одно из самых неудобных для этой цели произведений покойного романиста — это „Идиот“. Настоящее сочинение, или, вернее, компиляция г-на Лемана, как и прежние на ту же тему, не должна быть допущена на театральные подмостки». И вновь виза: «Запретить. Е. Феоктистов. 8 январ. 1889».¹⁶ В 1890 г. цензура рассмотрела драму А. Г. Краевой «Идиот». И. Альбединский писал 27 сентября 1890 г.: «Пьесы, взятые из того же романа Достоевского, были разновременно запрещены по неудобству вообще применения к сценическим условиям произведений Достоевского». После перечисления ранее запрещенных инсценировок цензор заключил: «Настоящая пьеса, ввиду вышесказанного, подлежит тоже запрещению». 28 сентября 1890 г. решением Е. М. Феоктистова и эта пьеса была запрещена к представлению.¹⁷

¹⁴ ЦГИА СССР, ф. 776, оп. 26, № 6, л. 103.

¹⁵ Там же, № 7, л. 67.

¹⁶ Там же, № 8, л. 3.

¹⁷ Там же, № 9, л. 172.

В 1893 г. Н. Стенсон передал в цензуру драматические сцены в 5-ти действиях и 6-ти картинах под заглавием «Рыцарь бедный». Сохранился рапорт цензора И. Литвинова, который, уже не прибегая к доводу о несценичности Достоевского, отвергает пьесу из-за неприемлемости самого мировоззрения писателя. Он писал: «Предлагаемые сцены взяты из романа Ф. М. Достоевского „Идиот“. Автор воспользовался драматическим материалом, коим изобилует названный роман, отличающийся подобно другим произведениям того же автора крайним реализмом и тенденциозностью в изображении человеческих страстей, что уже не раз признавалось уважительным поводом к запрещению. Ввиду того, что г-н Стенсон сохранил характерные черты мировоззрения Достоевского и передал их без всякого смягчения, я полагаю бы пьесу его „Рыцарь бедный“ запретить к исполнению на сцене».¹⁸

В течение полутора лет велось «Дело о пьесе „Идиот“, переделанной А. М. Свечиным из романа Достоевского»,¹⁹ обрастая многими листами прошений, резолюций, запрещений. Это дело открывается прошением от 23 декабря 1893 г. статского советника Александра Михайловича Свечина, «временно проживающего в г. Асхабаде, Закаспийской области», в Главное управление по делам печати: «Представляя при сем в двух экземплярах мою пьесу „Идиот“, поставленную по роману Ф. Достоевского, имею честь просить о разрешении ее к представлению на казенной и частной сценах».²⁰ Здесь отметим почти анекдотический, но характерный для бюрократических сфер царской России штрих. 8 января 1894 г. к Е. М. Феоктистову обратился с письмом брат автора переделки начальник 1-й Закаспийской стрелковой дивизии генерал-майор Андрей Михайлович Свечин. Он писал: «В этой переделке не может встретиться какого-либо затруднения к ее допуску, почему решаюсь обратиться к Вам, как моему глубокоуважаемому наставнику в Академии генерального штаба с почтительнейшею просьбою не отказать милостивым содействием к скорейшему выпуску упомянутой пьесы». На его письме Феоктистов написал: «Прошу переговорить со мной того из гг. цензоров, который просматривал эту пьесу».²¹ Пьеса была просмотрена И. Альбединским, который писал в рапорте от 11 января 1894 г.: «Далеко не первый раз появляется в драматической цензуре пьеса, взятая из известного романа Достоевского, но таковые постоянно запрещались к представлению по непригодности вообще сцен из сказанной повести к изображению на театральных подмостках». Перечислив ранее запрещенные по его рапортам инсценировки романа «Идиот», цензор полагал необходимым запре-

¹⁸ Там же, № 12, л. 102.

¹⁹ Там же, оп. 25, № 421.

²⁰ Там же, л. 1.

²¹ Там же, л. 2.

тить и данную переделку. На рапорте резолюция: «Запретить. Е. Феоктистов. 21 янв. 94».²²

25 февраля 1894 г. Свечин обращается с жалобой к министру внутренних дел И. Н. Дурново на «отсутствии мотивов» запрещения его переделки Главным управлением по делам печати. Он просил министра предложить драматической цензуре новое, «тщательное прочтение» пьесы. К письму была приложена «Объяснительная записка». В ней Свечин писал: «В пьесе, как и в романе, нет ни единого слова, ни тени намека на что-либо, касающееся правительственного строя, православной религии или мало-мальски оскорбляющего общественную нравственность <...> Так как действие происходит во время существования крепостного права, то в них <типах> ничего общего с современностью быть не может».²³ Он заверил в своей готовности внести в текст поправки, которые порекомендует драматическая цензура. Из этой записки явствует, что сам Свечин был цензором и старшим инспектором «подведомым Главному управлению по делам печати». И письмо к министру, и объяснительная записка были переданы в Главное управление по делам печати. Последнее же крайне отрицательно — как было показано выше — относилось к произведению Достоевского. Осталось оно на прежней позиции и теперь. Выписка из заключения неизвестного лица, подшитая в это дело и которая, вероятно, была подготовлена для министра, содержит еще более резкую оценку: «Роман Достоевского „Идиот“ по содержанию своему, по выведенным в нем характерам неудобен к переделке для сцены. То тяжелое, безотрадное чувство, которое он вселяет в читателя, становится еще сильнее для зрителей, перед которыми живые лица изображают характеры, выведенные Достоевским, говорят почти дословно языком его романа. Человек семейный, пожилой, с положением в обществе, соблазняет опекаемую им девушку и делает из нее свою содержанку. Их окружают всё личности грязные, двусмысленные. Пессимистический взгляд на жизнь и общество Достоевского проявляется ярче, усугубляется при придаче его творениям драматической формы и делает из них какой-то сплошной протест против существующего общества». 24 марта 1894 г. Канцелярия Главного управления по делам печати уведомила Свечина, что «прошение его от 25-го минувшего февраля о пересмотре пьесы „Идиот“ господином министром признано не подлежащим удовлетворению».²⁴

Но Свечин направляет 15 апреля 1894 г. новое прошение к И. Н. Дурново. Указывая, что «постановление и затем перерешение дела вообще одним и тем же учреждением немислимо», Свечин просил министра самому вынести «нелицеприятное суж-

²² Там же, оп. 26, № 13, л. 7.

²³ Там же, оп. 25, № 421, лл. 3 и 4.

²⁴ Там же, л. 5 и 6.

дение», познакомившись хотя бы с одной страницей его пьесы. Как и прежде, это прошение было передано Е. М. Феоктистову, который приказал «передать пьесу на рассмотрение члена Совета Д. М. Позняка»,²⁵ что и было исполнено. «Помимо несценичности самого произведения <„Идиот“>, удручающей тяжелой архитектуры его внешней формы» Д. М. Позняк отметил, что переделка Свечина очень неудачна и является «рядом бесконечно утомительных, ничем не связанных сцен и положений действующих лиц». Далее он писал: «Соглашаясь вполне с „этой точки зрения“ с заключением о неудобстве постановки сцен из „Идиота“ в предлагаемом виде на сцене, я тем не менее позволю себе заметить, что все такие соображения относятся в сущности к „художественной“, *не подлежащей оценке* цензуры, стороне вопроса и входят в область литературной критики. Оставаясь в пределах, установленных положениями закона — Уставом о цензуре — я решительно не усматриваю, какие основания могли бы мотивировать воспретительную отметку <...> Ввиду высказанных соображений, я, по своему крайнему убеждению, не усматриваю каких-либо законных оснований для воспрещения к представлению на сцене переложения „Идиота“, причем позволю себе заметить, что лучшей гарантией полной неудачи постановки этой пьесы является ее удручающая монотонность и несообразная длиннота, так как одно беглое чтение занимает не менее четырех часов, а при осмысленной игре, принимая в расчет необходимые перемены декораций, туалетов и пр., представление займет не менее шести часов, и никакой артист либо антрепренер не рискнут отважиться на подобный подвиг». Позиция цензуры осталась прежней. Феоктистов написал на заключении Позняка: «отказать автору».²⁶

20 мая 1894 г. — уже из Петербурга — Свечин обращается еще раз к И. Н. Дурново с «Докладной запиской» с просьбой о пересмотре решения относительно его пьесы.²⁷ Ответ Свечину последовал 24 мая 1894 г. за подписью Феоктистова: «Главное управление по делам печати, по приказанию г-на министра внутренних дел, уведомляет статского советника Свечина на поданные им Его Высокопревосходительству прошения <...> что причиной запрещения драмы „Идиот“ послужили не некоторые частности в пьесе, а вообще непригодность романа „Идиот“, как и некоторых других сочинений Достоевского, для представления на сцене. По этой именно причине уже ранее были запрещены драматическою цензурою переделки романа „Идиот“ для сцены четырех других писателей».²⁸ Но Свечин был готов на любое, самое абсурдное искажение смысла романа Достоевского, лишь бы провести свою переделку через цензуру. Уже через неделю он высылает новый

²⁵ Там же, л. 7.

²⁶ Там же, л. 9—10.

²⁷ Там же, л. 11.

²⁸ Там же, л. 12.

вариант пьесы. В письме к Е. М. Феокистову от 31 мая 1894 г. он писал: «...решительно все, что могло бы быть непригодным для сцены в романе, мною, как опытным в цензуре, тщательно устранено, и ни малейшего тяжелого впечатления не мыслимо (хотя еще и не доказано, что гнет этого чувства не имеет благотворных последствий на мысли зрителей), пьеса, напротив, изобилует комическими ситуациями, исполнена забавными анекдотами и даже не названа мною драмой, так как она более подходит под рубрику „высокой комедии“». ²⁹ Очевидно, и эта пьеса не была разрешена, так как 30 января 1895 г. Свечин обращается с жалобой уже на высочайшее имя. Как опытный чиновник-крюкотворец, он писал царю: «Главное управление по делам печати признало мою капитальную пьесу, составленную по роману Достоевского „Идиот“, неудобною для сцены в предположении, что романы этого писателя на зрителей могут производить тяжелое впечатление. Принесенную на это жалобу г-н министр передал в то учреждение, на которое была принесена, почему она и осталась без последствий». Далее он пытается использовать известность Достоевского и проявления внимания официальных кругов к нему: «Достоевский признан великим исследователем души человеческой, а, как выдающийся писатель, удостоился монаршей милости <...> Я руководился желанием почтить его память, как увековечены наши великие поэты русскою сценою, а драматическая цензура, идя вразрез так естественному желанию, противится, к сожалению, воздаванию должного великому русскому таланту...» ³⁰ Всеподданнейшее прошение Свечина было препровождено к И. Н. Дурново, а от него поступило в Главное управление по делам печати. 27 апреля 1895 г. последовал ответ Е. М. Феокистова автору пьесы: «Главное управление по делам печати, по приказанию г-на министра внутренних дел, сим объясняет проживающему в городе Асхабаде отставному статскому советнику Александру Свечину, что изложенное во всеподданнейшем прошении его, переданном от командующего Императорскою главною квартирою, ходатайство о пересмотре и разрешении его пьесы „Идиот“ к представлению, признано не подлежащим удовлетворению». ³¹

23 июня 1895 г. Императорская канцелярия по принятию прошений препроводила министру внутренних дел прошение Свечина, который снова обжаловал решение о запрещении его пьесы. Министра просили «сообщить <...> сведения об обстоятельствах дела и Ваше заключение по предмету настоящего ходатайства». ³² Незамедлительно, 1 июля 1895 г., последовал ответ министра: «...роман „Идиот“ Достоевского по его содержанию и

²⁹ Там же, л. 17.

³⁰ Там же, л. 14 и 15.

³¹ Там же, л. 20.

³² Там же, л. 21.

по выведенным в нем характерам совершенно неудобен к переделке для сцены. То тяжелое, безотрадное чувство, которое он вселяет в читателе, становится еще сильнее, когда перед зрителями проходят живые лица. Ввиду этого с 1887 г. драматической цензурой кроме переделки романа „Идиот“ статского советника Свечина было уже запрещено пять подобных переделок разных писателей».³³ Дело о переделке Свечина завершается следующим уведомлением (от 24 июля 1895 г.) главноуправляющего Канцелярией его императорского величества по принятию прошений, на высочайшее имя приносимых, на имя министра внутренних дел: «По всеподданнейшем докладе мною жалобы отставного статского советника Александра Свечина на неразрешение Министерством внутренних дел к представлению на сцене пьесы, переделанной им из романа „Идиот“ Достоевского, и отзыва Вашего Высочайшего превосходительства от 1-го сего июля за № 4042, государь император в 20-й день сего июля *высочайше* повелеть соизволил: означенную жалобу Свечина оставить без последствий».³⁴

В том же 1895 г. по рапорту цензора Крюковского резолюцией Е. Феоктистова от 12 ноября 1895 г. была запрещена драма «Князь Мышкин», подготовленная Л. В. Платоновым.³⁵ В следующем году в цензуру поступает прошение В. Н. Кельш (от 23 ноября 1896 г.) с просьбой разрешить для театра ее драму «Идиот». После ее напоминания о неполучении ответа она получила отказ. Цензор Ив. Шагаев, напомнив об истории запрещения пьесы Свечина и решении царя, заключил свой рапорт: «При изъясненных обстоятельствах дальнейшее разрешение драматической цензурой переделок для сцены романа „Идиот“ представляется ныне уже невозможным, почему я и полагал бы необходимым настоящую пьесу г-жи Кельш запретить». Соответствующее решение и было принято М. Соловьевым: «Постановку пьесы на сцене запретить. 23/V-97».³⁶ Лишь в 1899 г. В. Крылову и С. Сутугину удалось провести через цензуру свою инсценировку романа «Идиот», которая в том же году была поставлена в Александринском театре.

3

Последний роман Достоевского «Братья Карамазовы» также многократно запрещался к постановке на сцене. В 1881 г. в цензуру представил инсценировку этого произведения В. Д. Вольфсон, биолог по профессии, автор комедии «Дитя века». Он был

³³ Там же, л. 22.

³⁴ Там же, л. 24. Рукопись инсценировки поступила в «Музей памяти Ф. М. Достоевского». (См.: Библиографический указатель сочинений и произведений искусства, относящихся к жизни и деятельности Ф. М. Достоевского. Сост. А. Г. Достоевская. СПб., 1906, стр. 307).

³⁵ ЦГИА СССР, ф. 776, оп. 26, № 14, л. 150.

³⁶ Там же, л. 25, 26, 58.

известен и как переводчик Диккенса. 27 декабря 1881 г. Совет Главного управления по делам печати рассмотрел доклад цензора драматических сочинений Е. Кейзера фон Нилькгейма о переделке В. Островина (Вольфсона). Е. Кейзер фон Нилькгейм докладывал: «Для основы драмы из романа заимствованы следующие данные: у помещика Карамазова, грязного сладострастника, сын от первого брака Дмитрий, человек нрава буйного и неукротимого, безобразник, как и отец, и два сына от второго брака, Иван и Алексей. Сыновья, с ранних лет с отцом разлученные, за исключением младшего (праведника Алеши), к отцу относятся крайне враждебно, не скрывая полного своего к нему презрения и отвращения (пьеса переполнена самых отвратительных сцен между отцом и детьми. Так, Дмитрий сознается, что раз он отца топтал ногами). У Карамазова был еще побочный сын, Павел Смердяков, которого он взял на воспитание, вырастил и сделал своим слугою. И этот оказался вполне достойным своего родителя, про которого он со злобою говорит: „Федор Павлович в нетрезвом виде позабавились, и я чрез это самое на свет должен был произойти“. На беду, старший сын Дмитрий влюбился в женщину легкого поведения, Грушеньку, которая возбудила сладострастие и Карамазова, и взаимная ревность отца и сына приводит к катастрофе драмы. Дмитрий, решившийся во что бы ни стало жениться на Грушеньке и покинувший для нее невесту, неоднократно обращался к отцу, с которым имел счеты по наследству от матери, с просьбою дать ему 3 т. руб. для пополнения взятой им у невесты и растроченной суммы. Отец наотрез отказывал ему в том из опасения, что Дмитрий употребит эти деньги на Грушеньку и тем отобьет ее у него. Раздраженный отказом отца и мучимый сомнениями насчет Грушеньки, Дмитрий вновь является к отцу за деньгами — именно в тот день, когда Карамазов поджидал к себе на ночь Грушеньку. Перед тем Дмитрий не раз намекал, что мог бы решиться убить отца и даже писал своей экс-невесте: стану доставать денег, а не достану — то даю тебе честное слово, пойду к отцу и проломлю ему голову. О таком враждебном отношении Дмитрия к отцу знал и Смердяков, почему этому закоренелому злодею и приходит мысль убить Карамазова, воспользоваться его наличными деньгами, а преступление свалить на Дмитрия. Подходя к отцовскому дому, Дмитрий, между прочим, пускается в следующие размышления: „Для чего я пришел? Чтобы убить отца? Да какой он мне отец? Он для моей жизни сделал столько же, сколько для жизни Смердякова... Разве убить старого развратника не все равно, что раздавить клопа? И я раздавлю его... О, если она (Грушенька) с отцом, но пусть свершится, убью обоих“... Но появление прислуги заставляет Дмитрия бежать, а Смердяков, пользуясь происшедшею суматохою, приводит свой замысел в исполнение: с зверским бесчувствием он убивает Карамазова-отца, забирает его деньги, а в убий-

стве заподозревают Дмитрия. Последнего осуждают, Смердяков же остается вне всякого подозрения. Между тем эгоистично грубое поведение другого сына, Ивана, по отношению к злосчастному отцу, его равнодушие к намекам Смердякова о возможности кровавой развязки давали последнему повод предполагать, что и этот сын из корыстных расчетов также желает скорейшей смерти отца. И действительно, Иван считает себя соучастником в убийстве и решился было уже в суде показать на себя, и только наглое сознание Смердякова в том, что он один виновен, успокаивает его. Когда же Иван запер Смердякова, чтобы предать его правосудию, Смердяков повесился, но не из раскаяния, а потому, „что жить не стоило“. Драма оканчивается смертью Дмитрия в остроге». В протоколе Совета, в котором приведен этот отзыв, далее говорится: «Чудовищное преступление отцеубийства, в котором принимают самое деятельное или бессознательное участие трое сыновей, по мнению цензора, не может быть производимо на сцене». Принимается решение: «Совет, вполне соглашаясь с заключением действительного статского советника Кейзер фон Нилькгейма, постановил пьесу „Братья Карамазовы“ запретить к представлению на сцене».³⁷

В 1885 г. цензуру вновь проходила драма в 5-ти действиях «Братья Карамазовы» (переделка Н. И. Мердер). Ее цензуровал тайный советник П. И. Фридберг. Поданный им 16 ноября того же года рапорт свидетельствует, что пьеса была отвергнута им в силу крайне отрицательного отношения к произведению Достоевского. Фридберг писал: «Роман этот, приобретший в свое время громкую известность, несмотря на признанные за ним литературные достоинства, ни в каком случае не мог послужить темой для разработки его в драматической форме, для русской сцены. Как в романе, так и в драме — реализм доведен до крайних пределов; перенесенный же на сцену реализм этот воспринимает характер грубого и наглого цинизма, который режет ухо, болезненно и оскорбительно потрясает весь организм зрителя и вливает в него что-то нравственно ядовитое, неискупаемое даже страшной исповедью сына (Ивана), который хотя и не убил собственноручно своего отца, но молчаливым одобрением натолкнул на это злодеяние своего незаконного брата-лакея. Затем настоящий герой драмы Дмитрий (3-й брат), в равной степени посягнувший мысленно, на словах и даже письменно на жизнь своего отца — из-за содержанки (Грушеньки), которую они оба преследуют с яростью зверского сладострастия, — представляет ужасающую картину, в которую втягивается и вторая женщина — невеста сумасбродного Дмитрия, существо загадочное, разыгрывающее роль какого-то камелеона и смущающее зрителя не менее остальных извергов. Мало этого, весь очерченный драматический кошмар завершается

³⁷ Там же, оп. 2, № 21, л. 508—510.

настоящей оргией, во время которой арестуется Дмитрий, обвиняемый и уличаемый в отцеубийстве, хотя преступление совершено не им (как сказано выше), а его братом-лакеем. В последнем действии (5-м) глазам зрителя представляется заседание Окружного суда, в полном составе, — и отчасти в окарикатуренном виде. Трудно разобрать, преследовал ли автор какую-либо нравственную цель или же в порыве мизантропии ограничился лишь объективно и чересчур реально изобразить уродливую действительность? В результате же выходит, что произведение это ложится позорным пятном на русское помещичье сословие. А в этом последнем смысле драма г-жи Мердер, независимо от других поводов, подлежит безусловному запрещению». 18 ноября 1885 г. Е. Феоктистов наложил на рапорте визу о запрещении.³⁸

В дальнейшем Управление по делам печати так и рассматривало «Братьев Карамазовых» как произведение, порочащее господствующие сословия России. Так, цензурой было рассмотрено несколько сцен, использовавших отдельные эпизоды романа. 20 сентября 1893 г. цензор С. Донауров писал о представленной неизвестным сцене в одном действии под названием «Мочалка»: «Пьеса эта, взятая из известного романа Достоевского, отличается чрезмерной реальностью, присущей вообще произведениям этого автора, и самый выбор сцены тем более неудачен, что в ней является русский офицер, рассказывающий Алексею Карамазову, облеченному в монашескую одежду, о том, как другой офицер, во время ссоры и драки, за бороду вытащил его из трактира. Полагаю, что это должно служить достаточною причиною для запрещения пьесы к представлению на сцене». Резолюция Е. Феоктистова о запрещении незамедлительно была наложена 21 сентября. Этот же эпизод со штабс-капитаном Снегиревым был положен В. Е. Ильковым в основу драматического рассказа «Обида». По рапорту С. Донаурова от 11 октября 1893 г. Е. Феоктистов 12 октября запрещает и эту сцену. Рассматривая еще две инсценировки на ту же тему — переделки П. Н. Муромцева «Штабс-капитан Снегирев» и В. Е. Илькова «Фокус-покус», Донауров повторил в своих отзывах (20 октября 1893 г. и 4 августа 1894 г.) вышеприведенные аргументы из своего рапорта о сцене «Мочалка». Вновь на следующий же день Е. Феоктистов накладывает на рапортах резолюции о запрещениях.³⁹

В 1897 г. цензор И. Литвинов, рассмотрев драму в 4-х действиях с прологом и эпилогом «Карамазовы», заключил свой отзыв следующим образом: «...принимая во внимание, что драма „Карамазовы“ Н. Н. по содержанию своему весьма мало отличается от переделок, цензурою запрещенных, я полагал бы необходимым и настоящую переделку романа Достоевского запретить». М. Со-

³⁸ Там же, оп. 26, № 4, л. 70—71.

³⁹ Там же, № 12, л. 140, 158 и 171; № 13, л. 111.

ловьев утвердил его предложение, написав на рапорте: «Согласно заключению, пьесу запретить. 29 VIII 97».⁴⁰

Первое разрешение к постановке в театре роман «Братья Карамазовы», инсценированный С. Сутугиным, получил в 1899 г., «правда, — как указал А. Поляков, — с исключениями и с указанием „ставить в провинции с особого разрешения“».⁴¹ Но и позднее еще одна переделка — драматические сцены «Братья Карамазовы» (составитель П. И. Н-ъ) — не смогла пройти через цензуру. Цензор Исаевич 19 мая 1901 г. отметил, что пьеса «драматического актера Павла Ивановича Николаева (Степняка) <...> сделана неумело» с точки зрения художественной. Явное же раздражение цензора вызывает другое: «...автор переделки выводит грубый реализм и грязь отношений членов семьи Карамазовых». Гнев относился, по существу, к Достоевскому: «Не опущена сцена приготовления убийства Дмитрием отца и бранные его речи по адресу отца. Изображен на сцене суд. В пьесе проводится почти целиком рассказ о Великом Инквизиторе...» Ввиду этого Исаевич признал «полную несостоятельность пьесы <...> в цензурном <...> отношении» и невозможность дозволения к представлению. На полях помета — по всей вероятности, начальника Главного управления по делам печати Н. В. Шаховского — «Согласен. 20 мая».⁴²

Так, более трех десятилетий самодержавно-бюрократическая иерархия от рядовых цензоров до министров внутренних дел и самого царя препятствовала постановке спектаклей по романам Достоевского, боясь его страстного и смелого слова.

Г. Я. ГАЛАГАН

КОНЧИНА И ПОХОРОНЫ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

(В письмах Е. А. и М. А. Рыкачевых)

В Архиве АН СССР (ф. 38, оп. 3, № 47) хранится более 2500 писем супругов Е. А. и М. А. Рыкачевых младшему брату Ф. М. Достоевского Андрею Михайловичу Достоевскому (1825—1897) и его жене Домнике Ивановне (1825—1887), урожденной Федорченко. Евгения Андреевна Рыкачева (1853—1919) — старшая дочь А. М. Достоевского. Михаил Александрович Рыкачев (1840—1919) — доктор физики, генерал-майор флота, с 1896 г. — действительный член Императорской Академии наук и директор Главной физической обсерватории. Первые письма

⁴⁰ Там же, № 6, л. 95.

⁴¹ «Достоевский». Однодневная газета Русского библиологического общества», 1921, 30 октября (12 ноября), с. 23.

⁴² ЦГИА СССР, ф. 776, оп. 26, № 20, л. 55.